

Гендерно маркированный концепт «стыд» и его вербализация в художественных текстах

В.И. КОВАЛЬ

Совокупность представлений о содержании концепта «стыд» позволяет утверждать, что данное понятие относится к числу наиболее сложных в системе морально-этических ценностей восточных славян. Структура лексического значения соответствующего слова отражает «двунаправленность» проявления стыда: с одной стороны, это некоторое пассивное состояние субъекта – ‘чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка’; с другой стороны, стыд предполагает внутренний самоконтроль, соотнесенность с социумом и общепринятыми предписаниями, поскольку представляет собой ‘чувство моральной ответственности за свое поведение, поступки’ [7, с. 296]. Стыд, таким образом, является эмоциональным и моральным чувством, в котором человек не только «выражает осуждение, неудовлетворенность или обвинение своих действий и мотивов», но и осознает «реальное или мнимое несоответствие своих поступков принятым в данном обществе нормам морали» [6]. Не случайно поэтому К. Маркс определял стыд как «своего рода гнев, только обращенный вовнутрь». С этой точки зрения «стыд способствует развитию личности, осуществляя надзор за нами изнутри, программируя наше поведение в соответствии с требованиями семьи, общества и культуры» [5]. Стремление избежать связанных со стыдом переживаний (неудовлетворенность собой, осуждение или обвинение себя) является важным мотивом поведения, направленного на самосовершенствование человека, в связи с чем стыд характеризуется как наиболее рефлектирующая из известных человеческих эмоций.

Чувство стыда в русском национальном сознании тесно связано с христианской моралью, что отражено в пословицах *В ком есть Бог, в том есть и стыд; Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда*. Известный русский философ В. Соловьев писал, что стыд, ведущий свое происхождение от первородного греха, является наиболее важным и чуть ли не единственным качеством человека, отличающим его от животного. Особенность стыда заключается в том, что он, как правило, имеет физиологический атрибут – стыдливый румянец, который Чарльз Дарвин считал самой характерной и самой человеческой эмоцией.

Стыд определяется также как «осознание собственной неумелости, непригодности или неадекватности в некой ситуации или при исполнении некоего задания, сопровождаемое негативными переживаниями – огорчением, беспокойством или тревогой» [3, с. 348]. Переживание стыда аналогично ощущению того, что некая неприличная или ущербная часть человеческой личности выставлена на всеобщее обозрение. «Стыд выступает как переживание своего несоответствия моральным требованиям перед лицом Других. Другие люди, с которыми нас объединяют общие представления о добре и зле, о должном и недолжном, могут осуждать и смеивать нас, если мы ведем себя несообразно принятым нравственным нормам и образцам. В стыде мы непосредственно понимаем, как глубоко связаны с окружающими нас людьми, как трудно нам чувствовать себя хотя бы временно третируемыми, непризнанными. И если «на миру смерть красна», то стыд «на миру» – ужасен. «Другие» в стыде доминируют, даже если в момент совершения недостойного поступка человек один и никто непосредственно за ним не наблюдает». [2, с. 268-269].

В основу дифференциации стыда положен перечень ситуаций, при котором возникает рассматриваемое эмоциональное состояние: а) несоответствие господствующим в обществе

нормам и ценностям (стыдно быть бедным, провинциальным); б) неспособность воспроизвести должным образом наличные в обществе стандарты (современному студенту стыдно не владеть иностранными языками, не уметь обращаться с компьютером); в) несоответствие собственным моральным ориентирам, высокопочитаемым в данной культуре (стыдно лгать, пьянствовать, быть агрессивным, похотливым); г) «обнаженность» внутреннего мира человека, который чувствует себя в таком случае незащищенным (стыд из-за того, что посторонние читают личный дневник, любовные письма); д) стыд за другого человека, когда чье-то поведение идет вразрез с принятыми стандартами (стыд за сына, за друга, за поведение публичного политика); е) ложный стыд (человек стыдится того в себе, к чему, согласно общественной морали, все относится позитивно) [2, с. 273-280].

Одним из западных авторов сформулирована и обоснована теория «воссоединяющего стыда», в основу которой положено широко распространенное в восточных культурах (арабской, китайской, японской и др.) убежденность в том, что в ходе профилактики уголовных преступлений и исполнения наказаний за подобные преступления необходимо делать упор на пробуждении в человеке чувства стыда: «Внушение чувства стыда трактуется как средство сделать граждан активно ответственными путем сообщения им о том, какое оправданное негодование испытывают другие граждане в отношении криминального поведения, приносящего вред обществу. <...> На практике попытки устыдить непременно ограничивают свободу человека, может быть, еще в большей степени, чем уголовная репрессия» [1]. При очевидной спорности и даже утопичности предложенной теории сложно не согласиться с ее автором в том, что актуализация чувства стыда является эффективной формой общественного воздействия, регулирующей взаимоотношения человека с обществом. Этическая проблема взаимоотношения чувства стыда и такого уголовно наказуемого преступления, как воровство, в ироничной форме представлена «застенчивым ворюгой» Альхеном, завхозом 2-го дома Старсобеса – персонажем романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Внешне выраженный и внутренне переживаемый стыд kleптомана Альхена не является моральным барьером на пути бытового воровства: *Все существо его протестовало против краж, но не красть он не мог. Он крал, и ему было стыдно. Крал он постоянно, постоянно стыдился, и поэтому его хорошо бритые щечки всегда горели румянцем смущения, стыдливости, застенчивости и конфуза.* (Ильф, Петров. Двенадцать стульев).

Целью данной работы является установление особенностей вербализации концепта «стыд», проявляющегося в художественных текстах, с учетом гендерного фактора. Подобный подход позволяет выявить такие соотносящиеся, но во многом специфичные феномены, как «женский стыд» и «мужской стыд». Дифференциация стыда на основе гендерных критериев представляется одним из древнейших видов моральных предписаний, основывающихся на представлениях о том, что является / не является постыдным, осуждаемым для мужчины и женщины. В ряде случаев, в частности, можно говорить о несоотносимости оснований женского и мужского стыда. Сравн., например, пословицу *В чем деду стыд, в том бабе смех.*

Наставления о том, что является стыдным для молящихся мужчины и женщины, находим в Библии, в Первом послании к Коринфянам святого апостола Павла (11, 4-6): *«Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову; И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая; Ибо, если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается».*

Остановимся на рассмотрении гендерно маркированного концепта «стыд» в литературно-художественных текстах.

Феминно маркированный стыд. Ключевые слова, вербализующие гендерно маркированный концепт «стыд» (*стыд, стыдливый, стыдливость, пристыдить, срам, срамить* и др.), ассоциируются прежде всего с женским мировосприятием и поведением. В соответствии с этим словосочетание *стыдливая женщина* воспринимается как соответствующее гендерному стереотипу, а *стыдливый мужчина* – как в значительной степени «выпадающее» из стереотипных представлений, поскольку оно прямо или косвенно указыва-

ет на наличие некоторых женских черт в характере мужчины. Стыдливость как отличительное качество женщины так же естественна, как мужественность мужчины и невинность девушки: ... *Люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одной женой, с которою он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержанным и твердым* (Толстой. Анна Каренина). Так, женщины, в отличие от мужчин, изначально считают стыдным посвящать посторонних в подробности своей интимной жизни: *Женщина – она согрешит и ничего так не боится, как смеха, издевки над ней. Они стыдливее против нас. Мы свое возьмем и хоть на базар пойдем рассказывать, хвастаться станем – вот, мол, как мы одну дуру провели!.. А женщине некуда идти, ей греха в удаль никто не ставит. Они, брат, даже самые потерянные, и те стыда больше нас имеют.* (Горький. Коновалов).

Вместе с тем, как свидетельствуют художественные тексты, в сфере любовных отношений женщина под влиянием возникающих обстоятельств склонна к освобождению от стыда: *Ведь давно-давно сказано, <...> что каждая женщина, даже вполне нравственная, вовсе не прочь от того, чтобы ее стыдливость была преодолена пылким нетерпением.* (Куприн. Колесо времени). К тому же в общении с любимым человеком женщина по собственной инициативе преодолевает чувства стыда, признаваясь в своих сокровенных мыслях и желаниях: *«Я своего мужа не люблю, – говорила она медленно, точно в раздумье. – Он груб, он нечуток, неделикатен. Ах, – это стыдно говорить, – но мы, женщины, никогда не забываем первого насилия над нами»; Я только теперь поняла, какое невероятное наслаждение, какое блаженство отдать себя любимому человеку. Но я не хочу трусости, не хочу тайного воровства. И потом... подожди, нагнись ко мне, милый, я скажу тебе на ухо, это стыдно... потом – я не хочу ребенка.* (Куприн. Поединок).

Как отмечает К.Э. Изард, «любовь помогает человеку постичь смысл искренности, не вызывающей стыда, познать стыд, понятый близким человеком и разделенный им» [Изард с. 356]. Именно поэтому искренне любящая женщина, несмотря на ограничивающий ее желания стыд, испытывает потребность в собственных интимных признаниях: *Я тебе должна признаться – хотя это мне немножко и стыдно, – что когда я увидела тебя в первый раз, то мгновенно почувствовала, что ты будешь моей радостью и я буду твоей радостью.* Вполне закономерно, что чувство естественной женской стыдливости тесно переплетается при этом с ощущениями радости: *Медленно опуская ресницы, она прибавила тихо: «Мишика, мне стыдно и радостно признаться тебе... Знаешь ли, теперь мне все чаще кажется, будто бы я всю жизнь искала только тебя, только тебя одного и наконец нашла.* (Куприн. Колесо времени). Чувство радостного стыда после размолвки и взаимных переживаний испытывает счастливая Кити Щербацкая накануне прихода к ней с официальным брачным предложением Левина: *Она ждала его. Она первая хотела объявить ему свое и его счастье. Она готовилась одна встретить его и радовалась этой мысли, и робела, и стыдилась, и сама не знала, что она сделает.* (Толстой. Анна Каренина). Смешанные чувства овладевают Соней Мармеладовой при встрече с пришедшим к ней Раскольниковым, которого она любит: *Через минуту вошла со свечой и Соня, поставила свечку и стала сама перед ним, совсем растерявшаяся, вся в невыразимом волнении и, видимо, испуганная его неожиданным посещением. Вдруг краска бросилась в ее бледное лицо, и даже слезы выступили на глазах... Ей было и тошно, и стыдно, и сладко... Раскольников быстро отвернулся и сел на стул к столу.* (Достоевский. Преступление и наказание).

Противоречивые проявления стыда, страха и радости вызывают у женщины эротические сновидения, обусловленные вполне реальным чувством любви к мужчине: *Сладко утешаясь возврату жизни, лежа в постели, она застенчиво рассказывала кухарке, что под соловой день всю светлую майскую ночь кричала она, – чувствовала, что кричит, и никак не могла очнуться, подавленная странным сном: вошли будто в ее спальню два молодых монаха, стали раздевать ее, а она отбивалась, противилась – и так радостно, страшно и стыдно ей было, как никогда в жизни не было. Монахи одолели ее, раздели, положили на пол, и она уже не могла двинуться и все только кричала – от стыда, страха и радости... И ко-*

гда рассказывала Александра Васильевна, не выходила из ее души нежность к о. Киру. Кажется ей, что с восторгом отдала бы она эту снова обретенную жизнь за одно только свидание с ним – последнее... (Бунин. Чаша жизни).

Положительно ассоциируемое чувство стыда женщины может быть вызвано откровенным поцелуем мужа или жениха: *Петр подошел, взял под мышки Евдокию, надавливая зубами, поцеловал в рот... Зажмурилась, не ответила. Он стал целовать через расстегнутый летник ее влажную грудь. Евдокия ахнула, залившись стыдом, дрожала (Петр Первый); *Наталья бережно вытащила свою зеленую юбку и вдруг вспомнила, что в этой юбке была она, когда Григорий женихом приезжал ее проведать, под прохладным навесом сарая в первый раз пристыдил ее летучим поцелуем, и затряслась в приступившем рыдании.* (Шолохов. Тихий Дон).*

Причинами негативно осмысливаемого женского стыда прежде всего могут быть различные обстоятельства, связанные с отклонениями от общепринятых норм семейных и супружеских отношений. Одним из оснований стыда для замужней женщины является осознание ею факта общеизвестности измены мужа. Ненависть царицы Евдокии, жены Петра, к Анне Монс обусловлена не только восприятием ее как женщины-соперницы, но и как носительницы чуждой культуры и иного вероисповедания, относящейся к тому же к социальным «низам»: *«Смейся, веселись, вино пей... Езди, езди в проклятую слободу... Перед людьми стыдно, – все уж знают...» – «Что все знают?» Он подобрал ноги, – злой, похожий на кота. Ах, теперь ей было все равно... Крикнула: «Про еретичку твою, немку! Про кабацкую девку! Чем она тебя опоила?». Евдокии стыдно также из-за того, что окружающие ее люди, в том числе и слуги, являются свидетелями того, что Петр равнодушен к ней как к женщине: *Помня Воробьихины слова, лежала в темноте, улыбаясь, хотя от ненависти к немке живот трясся и ноги были как лед. Вот уже сторож перестал колотить, мышцы уgomонились. Сенным девкам, и тем стыдно будет завтра на глаза показаться!..**

Основанием стыда является неопределенность статуса замужней женщины, о чем говорит отец Натальи: *«Как же так, сват?.. – Мирон Григорьевич растерянно и жалко заморгал. – Живет она – ни девка, ни баба, ни честная вдова, ить это страшно так-то.* Таким же неопределенным (а следовательно – постыдным) является семейное положение Аксиньи, о чем ей прямо говорит бывший муж: *«Как же, Аксинья, ты будешь? Григорий бросил... Или ты другого нажила? Слышал, будто с панским сыном... Правда?» Щеки Аксиньи жгуче, до слез, проступивших под веками отягощенных стыдом глаз, крыла кровь. «Живу теперь с ним. Верно». (Шолохов. Тихий Дон).*

Молодой замужней женщине становится стыдно из-за откровенных и настойчивых ухаживаний немолодого мужчины. В данном случае обращает на себя внимание типично женская вербальная реакция – использование вопросительных предложений вместо ответа на прямолинейный мужской вопрос и тривиальное признание: *«Когда вы доставите мне счастье увидеться с вами снова?» – спросил Ипполит Матвеевич в нос. «А вам разве интересно со мной разговаривать? Я же глупенькая.» – «Вы? – страстно сказал Ипполит Матвеевич. – Если б у меня было две жизни, я обе отдал бы вам». Лизе стало очень стыдно. Она заерзала в кресле и затосковала. «Куда это товарищ Бендер запропастился?» – сказала она тоненьким голосом. (Ильф, Петров. Двенадцать стульев).*

Особую значимость вербализация концепта «стыд» посредством слов *стыд, стыдно, стыдное* приобретает в романе Л.Толстого «Анна Каренина»: названные слова являются ключевыми в понимании эволюции характера главной героини. В завязке романа Анна по дороге из Москвы в Петербург борется с неосознанным пока чувством стыда, спорит сама с собой: *«Чего же мне стыдно?» – спросила она себя с оскорбленным удивлением. <...> Стыдного ничего не было. Она перебрала все свои московские воспоминания. Все были хорошие, приятные. Вспомнила бал, вспомнила Вронского и его влюбленное покорное лицо, вспомнила все свои отношения с ним: ничего не было стыдного. А вместе с тем на этом самом месте воспоминаний чувство стыда усиливалось, как будто какой-то внутренний голос именно тут, когда она вспомнила о Вронском, говорил ей: «Тепло, очень тепло, горячо». Ощущение стыда становится доминирующим в мироощущении Анны после происшедшей*

близости с Вронским: Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощения: а в жизни теперь, кроме его, у ней никого не было, так что она и к нему обращала свою мольбу о прощении. <...> Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценою стыда. Стыд пред духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Осознание стыда как «духовной наготы» в рассматриваемой ситуации вполне закономерно: «Человек чувствует себя в таком случае «душевно голым», незащищенным, уязвимым и стыдится своей открытости и незащищенности» [Золот.-Аб., С. 278].

Вместе с тем, в восприятии Анны как любящей женщины негативные эмоции стыда и ужаса смешаны с чувством радости. Обратим, однако, внимание на последовательность расположения соответствующих слов в тексте: стыд ↔ радость ↔ ужас. Слово радость, выражающее положительные эмоции, оказывается «опоясанным» словами, несущими мощный отрицательный заряд, а последнее слово этого «магического ряда» – ужас – может быть квалифицировано в таком случае как роковое, предсказывающее трагическую развязку: Она чувствовала, что в эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса пред этим вступлением в новую жизнь и не хотела говорить об этом, опошливать это чувство неточными словами. Анна убеждает Вронского (одновременно – и себя) в огромной значимости любви, но именно чувство стыда не позволяет ей в полной мере выразить свое состояние: «Ты пойми, что для меня с того дня, как полюбила тебя, все, все переменялось. Для меня одно и одно – это твоя любовь. Если она моя, то я чувствую себя так высоко, так твердо, что ничто не может для меня быть унижительным. Я горда своим положением, потому что... горда тем... горда...» Она не договорила, чем он была горда. Слезы стыда и отчаяния задушили ее голос. Она остановилась и зарыдала. В ответ на замечания Вронского о том, что Анна переживает также из-за отношений с мужем (Я ведь вижу, как ты мучаешься всем: и светом, и сыном, и мужем), Анна испытывает прилив сильного стыда, который представлен не только (как и в предыдущем случае) словосочетанием слезы стыда, но и лексическими средствами, описывающими сильное смущение, выражающееся в покраснении лица и шеи: «Да он и не знает», сказала она, и вдруг яркая краска стала выступать на ее лицо; щеки, лоб, шея ее покраснели, и слезы стыда выступили ей на глаза. В дальнейшем словосочетания краска стыда и горячая краска стыда используются автором романа как ключевые при описании изменения отношения Анны к Вронскому: Другое письмо надо было писать к Вронскому «Я объявила мужу», – писала она и долго сидела, не силах будучи писать далее. Это было так грубо, так неженственно. «И потом, что же могу я писать ему?» – сказала она себе. Опять краска стыда покрыла ее лицо, вспомнилось его спокойствие, и чувство досады к нему заставило ее разорвать на мелкие клочки листок с написанною фразой. Чувство женского стыда, во многом обусловленное стереотипным и в немалой мере – ханжеским отношением общества, становится одним из барьеров в отношениях между Анной и Вронским. «Стыдящийся чувствует себя объектом оценки, его собственные субъективные силы и потенции скованы стыдом, парализованы им» [Золот.- Аб., с. 270]: «Я видела Вронского и не сказала ему. <...> Отчего я хотела и не сказала ему?» И в ответ на этот вопрос горячая краска стыда разлилась по ее лицу. Она поняла то, что ее удерживало от этого; она поняла, что ей было стыдно. Ее положение, которое казалось уясненным вчера вечером, вдруг представилось ей теперь не только не уясненным, но безвыходным. Ей стало страшно за позор, о котором она прежде и не думала. Трагизм основной сюжетной линии, таким образом, неуклонно возрастает, хотя в заключительной части романа слово категории состояния стыдно используется Анной в ее разговоре с Долли в «извинительной функции»: ей стыдно за свое состояние счастья – обретенного покоя и гармонии: «Ты смотришь на меня, – сказала она, – и думаешь, могу ли я быть счастлива в моем положении? Ну, и что ж! Стыдно признаться; но я... я непростительно счастлива. Со мной случилось что-то волшебное, как сон, когда делается страшно, жутко, и вдруг проснешься и чувствуешь, что всех этих страхов нет. Я проснулась. Я пережила мучительное, страшное и теперь уже давно, особенно с тех пор, как мы здесь, так счастлива!..» – сказала она, с робкою улыбкой вопроса глядя на Долли.

К сугубо женским основаниям стыда можно отнести следующие ситуации:

- сфера родов и связанные с ней проявления; сознательное «отграничение» мужчин от данной сферы: *Наталья торопливо вышла за хутор, оглядываясь, стоная, придерживая руками низ живота, забралась в густую заросль дикого терна и легла. Уже стемнело, когда она задрами пробралась домой. В холщовой завеске принесла двойнят. «Милушка моя! Проклятая! Что ж ты это?.. Где ж ты была?» – заголосила Ильинична. «Я от стыда ушла... Батю не смела... Я чистая, маманя, и их искупала... Возьмите...» – бледнея, оправдывалась Наталья. (Шолохов. Тихий Дон);*

- необходимость врачебного осмотра медиком-мужчиной (тем более – при венерическом заболевании): *Вчера ходила в станицу к фершалу. Было со стыда пропала... Зараз уж все, отыгралась бабочка!» – «Лечиться надо, да ить страмы сколько! Их, эти болезни, говорят, залечивают». – «Нет, девка, мою не вылечишь». Дарья криво улыбнулась и впервые за разговор подняла польшущие огнем глаза: «У меня – сифилис. Это от какого не вылечивают»;*

- необходимость публичного обнажения во время купания: *Наталья вошла под тень шатра, сбросила душегрейку, округлила темно-русые косы вокруг головы, расстегнула, уронила юбку, вышла из нее, спустила тонкую рубашку и, <...> не стыдясь наготы, – пошла на мостки. «Купаться всем!» – крикнула Наталья, оборачиваясь к шатру и все еще подкручивая косы. Марфа и Анна жеманились, раздеваясь, покуда Анисья Толстая не прикрикнула на них: «Чего приседаете, толстомясые, никто ваши прелести не похитит». (А. Толстой. Петр Первый);*

- «обнажение» на балу, проявляющееся в ношении излишне откровенной, подчеркнуто декольтированной одежды; ощущение обнаженности женщин усиливается в следующем случае из-за восприятия мужчины – носителя инокультурных (мусульманских) представлений, в соответствии с которыми одежда женщины должна быть «закрытой»: *Жена «сардаря» тоже, несмотря на свои немолодые годы, так же полубнаженная, ходила между гостями, приветливо улыбаясь, и сказала через переводчика несколько ласковых слов Хаджи-Мурату, с тем же равнодушием, как и вчера в театре, оглядывавшему гостей. За хозяйкой подходили к Хаджи-Мурату и другие обнаженные женщины, и все, не стыдясь, стояли перед ним и, улыбаясь, спрашивали все одно и то же: как ему нравится то, что он видит. (Толстой. Хаджи-Мурат);*

- ощущение «ущербности», бедности собственной одежды по сравнению с туалетом другой женщины: *Пришедшая предложить свои услуги франтиха-горничная, в прическе и платье моднее, чем у Долли, была такая же новая и дорогая, как и вся комната. Дарье Александровне были приятны ее учтивость, опрятность и услужливость, но было неловко с ней; было совестно пред ней за свою, как на беду, по ошибке уложенную ей заплатанную кофточку. Ей стыдно было за те самые заплатки и заштопанные места, которыми она так гордилась дома. (Толстой. Анна Каренина).*

Девичий стыд. Одной из девичьих добродетелей, согласно традиционным представлениям, является естественная стыдливость, оцениваемая мужчинами не меньше, чем женская красота: *Не знаю, как вы насчет женских личек, но, по-моему, эти шестнадцать лет, эти детские еще глазки, эта робость и слезинки стыдливости. – по-моему, это лучшие красоты, а она еще к тому ж и собой картинка. (Достоевский. Преступление и наказание).* Вместе с тем достаточно устойчивым является суждение об ироническом восприятии рассматриваемого понятия как чего-либо неосознанного, несформировавшегося: *Девичий стыд до порога: переступила, так и забыла.*

Вообще стыдливость в характере девушки может проявляться как исходное, доминирующее качество, что подчеркивается в следующем контексте сравнительной конструкции и метафорическим словосочетанием, основанном на гиперболе: *Катя подумала немного и вдруг покраснела как полымя, уверясь, что замечание мадам Леотар справедливо. Покраснеть, сгореть от стыда – было ее первым движением почти при каждой неудаче, в досаде ли, от гордости ли, когда ее уличали за шалости, – одним словом, почти во всех случаях. (Достоевский. Неточка Незванова).* Врожденная стыдливость девушки является

причиной ее глубоких переживаний-«комплексов» (она <...> стыдилась своего стыда), что находит выражение в нетипичном для нее «мальчишечьем» поведении: *Она не походила на барышню; во всех ее движениях было что-то беспокойное: этот дичок недавно был привит, это вино еще бродило. По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады насильственно старалась быть развязной и смелой, что ей не всегда удавалось.* (Тургенев. Ася).

Девичий стыд как разновидность женского стыда может, в частности, иметь своим основанием ситуацию, при которой заболевшую девушку должен осматривать врач-мужчина. Для Кити Щербацкой подобная ситуация особенно мучительна еще и потому, что она чрезвычайно обостренно, на грани нервного срыва переживает измену Вронского и свой отказ Левину. При этом совершенно очевидно, что в рассуждениях молодого доктора о девичьей стыдливости проявляется не только профессиональный долг, но и эгоистичный, чисто мужской интерес: *Знаменитый доктор, не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовал осмотра больной. Он с особенным удовольствием, казалось, настаивал на том, что девичья стыдливость есть только остаток варварства и что нет ничего естественнее, как то, чтоб еще не старый мужчина ощупывал молодую обнаженную девушку.* Вполне естественно, что Кити, интуитивно чувствуя в поведении доктора «мужской подтекст», испытывает при этом прилив обостренного стыда: *После внимательного осмотра и постукивания растерянной и ошеломленной от стыда больной знаменитый доктор, старательно вымыв свои руки, стоял в гостиной и говорил с князем. Князь хмурился, покашливая, слушая доктора. <...> Исхудавшая и румяная, с особенным блеском в глазах вследствие перенесенного стыда, Кити стояла посреди комнаты. Когда доктор вошел, она всыхнула, и глаза ее наполнились слезами.*

Долли Облонская, споря с Левиным о разном понимании женщинами и мужчинами ситуации ухаживания, говорит именно о девичьем стыде, обусловленном пассивной ролью девушки-невесты, как о первопричине возможных межличностных недоразумений: *Вы этого не можете понять; вам, мужчинам, свободным и выбирающим, всегда ясно, кого вы любите. Но девушка в положении ожидания, с этим женским, девичьим стыдом, девушка, которая видит вас, мужчин, издали, принимает все на слово, — у девушки бывает и может быть такое чувство, что она не знает, что сказать* (Толстой. Анна Каренина). Традиционно считается, что для девушки стыдно «засиживаться», т.е. не реализоваться в семейной жизни. Именно это, по мнению одного из героев повести А. Куприна «Гранатовый браслет», может быть причиной брака не по любви: *Но вот в большинстве-то случаев почему люди женятся? Возьмем женщину. Стыдно оставаться в девушках, особенно когда подруги уже выходили замуж.*

Поведение девушки, занимающей в социуме «пограничный статус», заключающийся в ее потенциальной «переходности» к семейно-брачной сфере, регламентировано целым рядом условностей и предписаний, к числу которых относятся представления о том, что в данном случае является стыдным. Сравн. пословицу: *Не красней, девка, коров доючи, а красней, девка, с парнем стоячи (в овин ходючи).* При этом причиной собственного стыда девушка прямо называет возможную негативную оценку ситуации извне, со стороны других: *«Ну, а мне и того меньше! — тихо проговорила Варя. И уже немного внятнее попросила: Поцелуй меня, мой председатель, в первый и в последний раз, и давай расходиться, а то уже заря занимается. Нехорошо будет, ежели увидят нас вместе, стыдно.* (Шолохов. Поднятая целина). Григорий Мелехов как старший брат, ответственный за репутацию сестры, и как мужчина, хорошо понимающий возможные последствия девичьей влюбленности, напоминает Дуняше о ее статусе невесты-казачки, важным достоинством которой всегда считалось сохранение девичьей чести, невинности: *Григорий терпеливо ждал, пока она отсмеется, но потом не выдержал, сказал слабым, дрожащим тенорком: «Гляди, так недолго и до греха. Опосля стыдно будет, ты ить невеста».* (Шолохов. Тихий Дон).

Чувство стыда у девушки закономерно вызывается необходимостью открытой демонстрации самого намерения вступить в брак. Показательно, что в этой же ситуации у мужчи-

ны отчетливо проявляется отсутствие какого-либо стеснения: *Девуца в длинном жакете, обшитом блестящей черной тесьмой, пошептала с мужчиной и, потя от стыда, стала медленно подвигаться к Ипполиту Матвеевичу. «Товарищ, – сказала она, – где тут...» Мужчина в пиджаке радостно вздохнул и, неожиданно для самого себя, гаркнул: «Сочетаться!»* (Ильф, Петров. Двенадцать стульев). Переживание стыда девушкой в ситуации неудавшегося любовного объяснения с мужчиной, к которому и она сама испытывает духовное влечение, усиливается другими негативными эмоциями: *«Да, это правда», – улыбаясь, отвечала Варенька, и невольно направление их прогулки изменилось. Они стали приближаться к детям. Вареньке было и больно и стыдно, но вместе с тем она испытывала и чувство облегчения.* (Толстой. Анна Каренина).

Стыдливость, смущение девушки, имеющей двусмысленный статус в семье вдовца, может вербализоваться другими языковыми средствами – глаголом *покраснеть* ‘смутиться’ и словосочетанием *опустить глаза*: *Радилов, по летам, мог бы быть ей отцом; он говорил ей «ты», но я тотчас догадался, что она не была его дочерью. В течение разговора он упомянул о своей покойной жене – «ее сестра», прибавил он, указав на Ольгу. Она быстро покраснела и опустила глаза.* (Тургенев. Мой сосед Радилов).

Отдельного рассмотрения заслуживают ситуации, в которых девушки – персонажи литературных произведений – не испытывают чувства стыда. Это может быть обусловлено, прежде всего, отсутствием стыда у самого персонажа как естественного «ограничителя» предосудительного поведения: *«Различные люди имеют различные пороги стыда, обусловленные ценностными ориентациями, направленностью каждой личности и связанной с этими особенностями чувствительностью к мнениям, оценкам окружающих людей»* [Пед.сл.]. Общепризнанным показателем бесстыдства является, в частности, публичная обнаженность девушки: *Открыла дверь девушка, на которой ничего не было, кроме кокетливого кружевного фартучка и белой накладки на голове. На ногах, впрочем, были золотые туфельки. «Ну что ж, входите, раз звонили!» – сказала девушка, уставив на буфетчика зеленые распутные глаза. Андрей Фокич охнул, заморгал глазами и шагнул в переднюю, снимая шляпу. В это время как раз в передней зазвенел телефон. Бесстыжая горничная, поставив одну ногу на стул, сняла трубку с рычажка и сказала в нее: «Алло!»* (Булгаков. Мастер и Маргарита). Маркером бесстыдного поведения девушки традиционно считалась ее непокрытая голова – простоволосость: *Завизжала где-то дверь, по снегу подлетела простоволосая девка-дворовая, бесстыдница: «Боярин велел – распрягайте. Ночевать велел. Лошадям задавать – избави боже, боярское сено...»*. Не менее бесстыдным осмыслялось в патриархальном обществе употребление девушками спиртного: *Девчонок посадили за стол, заставили пить вино... И дивно – пьют, бесстыжие... Недолго погода смеяться начали, будто им и не в диковину...* (А. Толстой. Петр Первый). Как крайне постыдная и аморальная оценивается ситуация, при которой девушка находится в состоянии опьянения: *«Барышня, а барышня? – начал опять городской, приняв деньги, – я сейчас извозчика вам возьму и сам вас препровожу. Куда прикажете? А? Где изволите квартировать?» – «Пшла!.. пристають!..» – пробормотала девочка и опять отмахнулась рукой. «Ах, ах как нехорошо! Ах, стыдно-то как, барышня, стыд-то какой!» Он опять закачал головой, стыдя, сожалея и негодую.* (Достоевский. Преступление и наказание).

Отсутствие девичьего стыда вполне может быть оправдано в трагической ситуации, когда не знавшая любви умирающая двадцатипятилетняя девушка просит молодого врача обнять и поцеловать ее перед смертью: *«Если бы я знала, что я в живых останусь и опять в порядочные барышни попаду, мне бы стыдно было, точно стыдно... а то что?»* (Тургенев. Уездный лекарь).

Осознанное чувство стыда из-за ощущения ненужности и обманутых любовных ожиданий может становиться причиной суицидальных настроений девушки: *Оставшись, наконец, одна, она с трудом дотащила до своей кровати и, усталая, разбитая, упала лицом на подушки. Ей так горько, и противно, и пошло казалось жить, так стыдно ей стало самой себя, своей любви, своей печали, что в это мгновение она бы, вероятно, согласилась умереть...* (Тургенев. Рудин).

Маскулинно маркированный стыд. Чрезвычайно значимым для мужчин является их социальный статус, поэтому понижение собственного места в общественной иерархии, утрата власти и привилегий, отступление от сложившегося жизненного уклада воспринимаются ими чрезвычайно болезненно, в том числе – и через проявление стыда. В тексте романа А. Толстого «Петр Первый» представлены многочисленные примеры актуализации чувства стыда у российских бояр как реакции на их социальное унижение вследствие проводившихся петровских реформ и нововведений: *«Дед мой выше Голицына сидел, – говорил Тыртов. – У гроба Михаила Федоровича дневал и ночевал. А мы дома в лаптях ходим... К стыду уж привыкли. Не о чести думать, а как живу быть...»*; Далее кучей шли бояре и окольничие из обоих королевских дворов. Узнавали Шереметьевых, Трубецких, Долгоруких, Зиновьева, Боборыкина... Срамоты такой от сотворения Москвы не было. Кое к кому из бояр неожиданно вломилась во дворы солдаты, силой велели одеться по-дворцовому, увезли в Преображенское на шутовскую службу... Иные пробовали сказать большими – не могло. Скрыться некуда. Пришлось ехать на срам и стыд.

Чувство острого стыда испытывает боярин Волков, которого Петр решает женить на дочери его же крепостного Ивашки Бровкина: *«Спасибо, дорогие сватушки, – говорил Бровкин, – жених нам очень понадравился. Будем ему отцом родным: по добру миловать, за вину учить. Кнутовищем вытяну али за волосы ухвачу, – уж не прогневайся, зятек, – в мужицкую семью берем».* Все за столом грохнули, хватались за бока от смеха. Волков стиснул зубы, стыд зажег ему щеки, налились слезы.

Прилив жгучего стыда переживает и сам государь, случайно ставший свидетелем откровенного и циничного разговора солдат, со смехом и солеными шутками обсуждавших дорогую для него женщину – Екатерину, которая ранее была простой служанкой. Это чувство усиливается из-за ясного сознания того, что личная, интимная жизнь человека (тем более – царя) становится предметом пересудов простых людей: *Петр Алексеевич дышал с трудом... Стыд жег лицо... Гнев приливал черной кровью... За такие речи о государевой чести князь-кесарь ковал в железо... Схватить их! Срам, срам! Смеху-то! Сам виноват, что уже все войско смеется...* Таково же основание стыда поручика Ромашова, неожиданно услышавшего разговор солдат о его регулярном посещении дома, где живет любимая им замужняя женщина: *«Ходить, ходить кажеын день. И чего ходить, черт его знает!..»* А другой солдатский голос, незнакомый подпоручику, ответил равнодушно, вместе с продолжительным, ленивым зевком: *«Деда, братец ты мой... С жиру это все. Ну, прощевай, что ли, Степан».* – *«Прощай, Баулин. Заходи когда».* Ромашов прилип к забору. От острого стыда он покраснел, несмотря на темноту. *«Конечно! Даже денщики смеются», – подумал он с отчаянием.* (А. Куприн. Поединок).

Петр как император-преобразователь не без оснований стыдится несовершенства российских морских судов в сравнении с западноевропейскими кораблями. Выражаясь словами героя фильма «Белое солнце пустыни», ему «за державу обидно»: *«Сидя на кровати, он глядел на серый полусвет за окошком. В Кукуй-слободе были свои, ручные немцы. А здесь непонятно, кто и хозяин. И уж до того жалки показались домодельные карбасы, когда проплывали мимо высоких бортов кораблей... Стыдно! Все это почувствовали: и помрачневшие бояре, и любезные иноземцы на берегу, и капитаны, и выстроившиеся на шканцах матери, обветренные океаном моряки... Смешно... Стыдно».*

Специфически мужским чувством является, несомненно, стыд военных. Прежде всего, военному человеку стыдно быть трусом «по определению»: *Один Гордон, суровый и спокойный, похаживал по лагерю, не оборачиваясь на злой посвист снарядов, покрикивал на солдат, чтобы не кланялись турецким мячикам: «За поклоны буду наказывать... Нехорошо бывать трусом... Шанде, шанде, стыдно!.. А еще русский зольдат...»* (А. Толстой. Петр Первый). Кроме того, военному (тем более – офицеру) стыдно находиться в комфортных условиях в то время, когда идут боевые действия и своей жизнью каждодневно рискуют другие: *Николка припал к холодному дереву кобуры, трогал пальцами хищный маузеров нос и чуть не заплакал от волнения. Захотелось драться сейчас же, сию минуту, там, за Постом, на снежных полях. Ведь стыдно! Неловко... Здесь водка и тепло, а там мрак, буран, вьюга, за-*

мерзают юнкера. (Булгаков. Белая гвардия). Чувство стыда в данной ситуации может усиливаться на фоне лексических маркеров, унижающих достоинство военных – *отсиживать в кусты, баба: Потом опять в армию, катим на фронт. Потому что стыдно – все воюют, а я как бы отсиживаюсь. Надо воевать! Неделю занимаешься какой-нибудь Софией Премудростью Божией, на следующей – едешь на денкинский фронт...* (Гранин. Зубр); *Теперь они, каждый порознь, по-своему чувствовали неловкость друг перед другом, словно совершили пакостное, постыдное дело. Шли молча; против моховского дома Иван Алексеевич, не выдержавший тошного молчания, казня самого себя и других, сказал: «Нечего греха таить: с фронта пришли большевиками, а зараз в кусты лезем! Кто бы за нас воевал, а мы с бабами...»* (Шолохов. Тихий Дон).

Недостойным, постыдным поступком военного считается рукоприкладство по отношению к женщине, о чем поручик Ромашов напоминает сослуживцу: *«Бек, ты не ударишь женщину, – сказал Ромашов спокойно. – Бек, тебе будет на всю жизнь стыдно. Ты не ударишь».* (Куприн. Поединок). Есаул Половцев в ситуации физической расправы с Хопровым и его женой на какое-то мгновение вспоминает эту неписаную этическую норму, но, в конечном итоге, это его не останавливает: *Половцев <...> впервые за все эти трудные минуты вытирает тылом ладони лицо, думает: «Завтра же выдаст! Но она – женщина, казачка, мне, офицеру, стыдно... К черту!.. Закрывать ей глаза, чтобы последнего не видела...»* (Шолохов. Поднятая целина).

Особый вид стыда мужчин-военных – стыд из-за поражения и пленения: *Шведы не успели подсыпать пороха в запалы пушек, не успели обрубить якорные канаты – русские кругом облепили корабли и с лодок, плотов и бочек, кидая гранаты, стреляя из пистолетов, полезли на бордаж... Срам получился немалый – пехота взяла в плен эскадру!* (А. Толстой. Петр Первый).

Своеобразный «стыд в квадрате» испытывает поручик Ромашов, критически оценивающий свою непривлекательную внешность глазами встретившейся ему красивой женщины. Женский смех «со стороны» в данном случае выступает как фактор, значительно усиливающий переживания стыда, поскольку мужчина чувствует при этом собственную неполноценность, несоответствие общепринятым представлениям о мужчине-военном: *Но когда, пройдя десять шагов, Ромашов внезапно обернулся назад, чтобы еще раз встретить взгляд красивой дамы, он увидел, что и она и ее спутник с увлечением смеются, глядя ему вслед. Тогда Ромашов вдруг с поразительной ясностью и как будто со стороны представил себе самого себя, свои калоши, шинель, бледное лицо, близорукость, свою обычную растерянность и неловкость, вспомнил свою только что сейчас подуманную красивую фразу и покраснел мучительно, до острой боли, от нестерпимого стыда. И даже теперь, идя один в полутьме весеннего вечера, он опять еще раз покраснел от стыда за этот прошлый стыд.* (Куприн. Поединок). Приведенная ситуация в целом аналогична развязке чеховского рассказа «Человек в футляре»: невольным свидетелем позора Беликова оказывается нравящаяся ему Варенька, которая к тому же не к месту рассмеялась. Чувство стыда в следующем контексте вербализуется описательно, но вполне исчерпывающе: *Лучше бы, кажется, сломать себе шею, обе ноги, чем стать посмешищем: ведь теперь узнает весь город, дойдет до директора, попечителя...*

В подобных случаях именно смех выступает как антитеза чувства стыда: «Смеющиеся и пристыженные находятся на двух различных полюсах как в абстрактном, так и в прямом смысле: конкретный человек, над которым смеются, испытывает стыд. Таким образом, смех и стыд предстают двумя полюсами регуляции социальной деятельности: если первые представляет внешнее осуждение, чаще всего общественное, то второй подразумевает личное, интимное восприятие вины» [4, с. 67].

Один из наиболее распространенных гендерных стереотипов заключается в утверждении о том, что мужчинам стыдно плакать, поскольку плач как один из способов выражения эмоций естествен лишь для женщин. Именно поэтому плачущий мужчина в обыденном сознании устойчиво отождествляется с женским поведением, что само по себе для мужчины

оскорбительно. Сравн.: [Паратов:] ... *если мужчина заплачет, так его бабой назовут, а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий* (Островский. Бесприданница).

Названный стереотип сознательно формируется взрослыми в сознании мальчиков с раннего возраста с помощью суждений «Будущему мужчине плакать не только не пристало, но и стыдно», «Плачут только девочки» и т.п. В следующем фрагменте из романа М. Шолохова «Тихий Дон» выразительно передается сложное психологическое состояние мальчика (будущего казака), который, следуя наставлениям непререкаемого авторитета – деда, стыдится слез при расставании с отцом, отправляющимся на войну: *Наталья, накинув на голову черную свекровьину косынку, вышла за ворота. За подол ее юбки держались детишки. Полюшка неутешно рыдала, захлебываясь слезами, просила мать: «Не пускай его! Не пускай, маманюшка! На войне убивают! Папанька, не езди туда!» У Мишатки дрожали губы, но – нет, он не плакал. Он мужественно сдерживался, сердито говорил сестренке: «Не бреши, дура! И вовсе там не всех убивают!» Он крепко помнил дедовы слова, что казаки никогда не плачут, что казакам плакать – великий стыд. Но когда отец, уже сидя на коне, поднял его на седло и поцеловал, – с удивлением заметил, что у отца мокрые ресницы. Тут Мишатка не выдержал испытания: градом покатались из глаз его слезы.*

Укажем некоторые другие ситуации, являющиеся основанием мужского стыда:

- статус холостяка, т.е. социально «ущербного», одиноко живущего зрелого мужчины: *Погляжу я на вас, и горюшко меня берет. И Андриушка мой на холостом полозу едет, и Макарка, да и ты. И как вам всем троим не стыдно? Такие здоровые бугаи ходите по хутору, а нет вам удачи в бабах. Неужли так-таки ни один из вас и не женится? Ить это страма, да и только!* (Шолохов. Поднятая целина);

- греховная связь с замужней женщиной, о которой могут узнать другие, в том числе – ее муж: *Григорий еще с полчаса проговорил с отцом, потом пошел к коню. В разговоре старик больше и словом не намекнул насчет Аксиньи, но Григорий и без этого был угнетен. «Все прослыхали, должно, раз уж батя знает. Кто же мог пересказать? Кто, окромя Прохора, видал нас вместе? Неужели и Степан знает?» Он даже зубами скрипнул от стыда, от злости на самого себя.* (Шолохов. Тихий Дон).

- проявление физической слабости в присутствии других: *Взял он у меня повод, за гриву ухватился, а левая рука у него была перебитая, только недавно срослась. Хотел я его поддержать, но он не свелел. Ужасный гордый был человек! Слабости своей и то стыдился.* (Шолохов. Поднятая целина);

- охотничий промах, свидетелями которого являются другие участники охоты: *«Бекасов было много и тут, но Левин делал промах за промахом. <...> До стволов нельзя было дотронуться, так они разгорелись; сердце стучало быстро и коротко; руки тряслись от волнения, и усталые ноги спотыкались и переплетались по кочкам и трясине; но он все ходил и стрелял. Наконец, сделав постыдный промах, он бросил наземь ружье и шляпу».* (Толстой. Анна Каренина);

- осознание малодушия и собственной слабохарактерности, поскольку, в соответствии со стереотипными представлениями, наличие сильного характера является атрибутом мужественности: *Этого уже вынести Мишка не смог. Он молчал в церкви все время, стыдясь своей бесхарактерности и негодую на себя, но тут яростно скопился на злопамятного попа, шепотом, чтобы не слышала Дуняшка, ответил... (Шолохов. Тихий Дон); Каждый день, уходя от них в двенадцать часов ночи, он, со стыдом и раздражением на собственную бесхарактерность, давал себе честное слово пропустить неделю или две, а то и вовсе перестать ходить к ним.* (Куприн. Поединок).

- проявление повышенной эмоциональности, чувственности – черт, характеризующих женское поведение. В сознании восьмилетнего Сережи Каренина постыдным является выражение искренних чувств любви и привязанности к матери: *Прошел год с тех пор, как Сережа видел в последний раз свою мать. С того времени он никогда не слышал более про нее. И в этот же год он был отдан в школу и узнал и полюбил товарищей. Те мечты и воспомина-*

ния о матери, которые после свидания с нею сделали его больным, теперь уже не занимали его. Когда они приходили, он старательно отгонял их от себя, считая их стыдными и свойственными только девочкам, а не мальчику и товарищу. (Толстой. Анна Каренина).

Чувство стыда может быть основанием для мужских суицидальных настроений, на что указывает поговорка *Стыд (позор) – та же смерть*. Родион Раскольников из-за мучительного внутреннего стыда, спровоцированного осознанием краха собственной теории, готов покончить собой: «Да, чтоб избежать этого стыда, я и хотел утопиться, Дуня, но подумал, уже стоя над водой, что если я считал себя до сей поры сильным, то пусть же я и стыда теперь не убоюсь, – сказал он, забегая наперед». (Достоевский. Преступление и наказание). Иное основание стыда – «оглядка» на мнение света – у решившего покончить жизнь самоубийством Алексея Вронского: «Честолюбие? Серпуховской? Свет? Двор?» Ни на чем он не мог остановиться. Все это имело смысл прежде, но теперь ничего этого уже не было. Он встал с дивана, снял сюртук, выпустил ремень и, открыв мохнатую грудь, чтобы дышать свободнее, прошелся по комнате. «Так сходят с ума, – повторил он, – и так стреляются ... чтобы не было стыдно». – добавил он медленно. (Толстой. Анна Каренина).

Приведенная типология вербализации стыда в художественных текстах, связанная с внутренними морально-этическими переживаниями мужчин, может быть дополнена ситуациями, так или иначе обусловленная отношениями между женщинами и мужчинами.

Маскулинно маркированный стыд неизбежно возникает в том случае, когда происходит «отклонение» от основного гендерного стереотипа, заключающегося в том, что мужчина изначально превосходит женщину как физически, так и умственно. Именно поэтому наиболее глубокие переживания стыда мужчина испытывает в случае физического превосходства женщины над ним. Трагикомичность описанной ниже ситуации заключается не только в превосходстве женщины над казаком в традиционной мужской сфере – в борьбе, в демонстрации силы, но и в «словесном уничтожении» противника: Он чудесно помнил, как однажды на мельнице в Тубянском Марина взялась бороться с одним здоровым на вид казаком, задонцем, и, к вящему удовольствию присутствовавших, повалила его да еще и окончательно прибила, прямо-таки изничтожила острым словом. «Сверху бабы тебе делать нечего, дядя! – переведа дух, сказала тогда она. – С твоей силенкой да с хваткой только под исподом и лежать, посапливать». И пошла к весовой, поправляя на ходу волосы, сбившийся во время борьбы платок. Любишкин помнил, каким багрянцем полыхали щеки поваленного Мариной казака, когда он поднимался на ноги, измазанный просыпанной на земле мукой и навозом. (Шолохов. Поднятая целина).

Достаточно серьезным основанием чувства стыда для мужчины является отказ со стороны женщины от брачного предложения. Именно такое мучительное состояние длительное время испытывает Левин после отказа Кити: Кроме того, воспоминание об отказе и о роли, которую он играл при этом, мучало его стыдом. Сколько он ни говорил себе, что он тут ни в чем не виноват, воспоминание это, наравне с другими такого же рода стыдными воспоминаниями, заставляло его вздрагивать и краснеть. (Толстой. Анна Каренина).

Проявления стыда из-за внешности или одежды, чем-либо несоответствующих общепринятым нормам или конкретным обстоятельствам, менее значимы для мужчин (в сравнении с женщинами), что также обусловлено устойчивыми гендерными стереотипами: От женщин пахло сладкими духами. Старушка, разговаривая, ласково, как мать, касалась сухонькими пальчиками его руки, еще судорожно сжатой в кулак, ибо ногтей своих он застыдился на снежной скатерти среди цветов и хрусталя. (А. Толстой. Петр Первый); Но зеркальный зал совсем неожиданно поразил и Ипполита Матвеевича. Он отстал, забыл ресторанный уклад. Теперь ему было положительно стыдно за свои баронские сапоги с квадратными носами, штучные довоенные брюки и лунный жилет, осыпанный серебряной звездой. (Ильф, Петров, двенадцать стульев).

Довольно редко в художественных текстах встречаются примеры проявлений мужского стыда, основанием которого является нагота. Следующий контекст показателен в том отношении, что чувство стыда из-за собственной наготы и наготы других мужчин в окруже-

нии женщин мужчина испытывает во сне: *Не успел он осенить себя крестным знаменем и прошептать «свят, свят», а ему уже снова снится, что он с сыном Семеном, с Агафоном Дубцовым и другими однохуторянами бродит по какой-то огромной плантации, под руководством одетых в белое молодых женщин-надсмотрщиц они рвут помидоры. И сам Яков Лукич, и все окружающие его казаки почему-то голые, но никто, кроме него, не стыдится своей наготы. Дубцов, стоя к нему спиной, склоняется над помидорным кустом, и Яков Лукич, задыхаясь от смеха и возмущения, говорит ему: «Ты хучь не нагинайся так низко, рябой мерин! Ты хучь баб-то постыдись!»* (Шолохов поднятая целина). Вернувшийся с фронта без одной руки Прохор Зыков стыдится своего неумения справиться с застегиванием ширинки, в чем, однако, без стеснения признается хорошо знакомой однохуторянке Аксинье: *Беда, что не научился одной рукой с делами управляться. Штаны не застегну – и шабаш! От самого Киева до дому с расстегнутой мотней ехал. Срам-то какой! Так что ты уж извиняй, ежели непорядок за мной заметишь...* (Шолохов. Тихий Дон).

Гендерно маркированной особенностью разговорного слова *срам*, являющегося стилистическим синонимом лексемы *стыд*, применительно к маскулинной сфере является возможность его употребления с конкретным значением – ‘срамное место’: *Люди иной раз до сумерек ожидали на морозе, покуда офицеры с крыльца не выкрикнут всех по именным спискам. Людей вели в дворцовые подклети. Усатые преображенцы сурово приказывали раздеться донага. Человек робел, разматывая онучи, оголяясь, – прикрыв горстью срам, – шел в палату. Между горящими свечами сидели в поярковых шляпах длинноволосые офицеры, как ястреба, глядели на вошедшего: «Имя? Прозвище? Какой год от роду?» Меряли рост, задирали губы, приказывали показать срам. «Годен. В такой-то полк».* (А. Толстой. Петр Первый).

Таким образом, обращение к художественным текстам однозначно убеждает в гендерной маркированности концепта «стыд», вербализация которого обусловлена социальным статусом, возрастом, родом занятий, наличием / отсутствием ситуации эмоционального напряжения. Учет «гендерной составляющей» названного концепта при анализе художественного текста позволяет более детально и всесторонне охарактеризовать литературные персонажи, выявит значимые особенности в их речевом поведении.

Abstract. The paper considers the verbalization of gender-marked concept "shame", reveals the main situationally determined reasons of its manifestations in men and women.

Литература

- 1 Брэйтуэйт, Дж. Теория воссоединяющего стыда [Текст] / Дж. Брэйтуэйт. – // <http://www.library.by/portalus/>
- 2 Золотухина-Аболина, Е.В. Современная этика: истоки и проблемы [Текст] / Е.В. Золотухина-Аболина. – Ростов-на-Дону, 2000.
- 3 Изард, К.Э. Психология эмоций [Текст] / К.Э. Изард. – СПб., 1999.
- 4 Карасев, Л.В. Философия смеха [Текст] / Л.В. Карасев. – М., 1996.
- 5 Краткий психологический словарь [Текст] // <http://shp.by.ru/psy/lit/>
- 6 Педагогический словарь [Текст] // <http://ped.slovar.org.ru/>
- 7 Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] – М.: Русский язык, 1981 – 1984. Т. 4. С – Я. 1984. – 794 с.